

ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ РУССКИХ И ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

«СВОЙ» VS «ДРУГОЙ» В КУЛЬТУРЕ ЭМИГРАЦИИ

Сборник статей

РЕДАКТОРЫ А. А. ДАНИЛЕВСКИЙ, С. Н. ДОЦЕНКО

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»

2018

УДК 7.01
ББК 71.0(4Эст)
С25

*Artiklite kogumiku valmimist on toetanud Euroopa Liit Euroopa Regionaalarengu
Fondi kaudu (Eesti-uuringute tippkeskus), see on seotud
Eesti Haridus- ja Teadusministeeriumi uurimisprojektiga IUT 18–4.*

*This collection of articles was supported by the Estonian Ministry
of Education and Research (Estonia between East and West: The Paradigm
of the Images of “Own”, “Other”, “Strange”, “Enemy” in Estonian Cultures
in the 20th Century; IUT18–4), and by the European Union through
the European Regional Development Fund
(Centre of Excellence in Estonian Studies).*

*Настоящий сборник статей издан при поддержке
Министерства просвещения и науки Эстонской Республики
(проект IUT18–4 — Эстония между Востоком и Западом:
Парадигма «свой», «другой», «чужой», «враг» в культурах Эстонии XX века)
и Европейского Союза посредством Европейского фонда регионального развития
(Центр изучения культур Эстонии).*

«Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции : сб. ст. / ред. А. А. Данилевский,
С25 С. Н. Доценко. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-9765-3862-7 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-039391-2 (Наука)

Сборник включает статьи, посвященные различным аспектам истории русской диаспоры XX века. Исследователи из России, Эстонии, Латвии, Италии, Германии сосредоточились на изучении проблемы «свой»/«чужой»/«другой» в творчестве и биографии писателей-эмигрантов (В. Набокова, Г. Газданова, Н. Тэффи, А. Аверченко, Н. Берберовой, И. Бунина, В. Аксенова и др.). Завершает сборник публикация рукописной «Летописи Носовской Покровской церкви: 1917–1927», которая повествует о жизни русского населения Причудья в годы революции и становления Эстонской Республики.

Сборник предназначен для историков, филологов, культурологов и всех тех читателей, кои интересуются культурой русского Зарубежья XX века.

УДК 7.01

ББК 71.0(4Эст)

*В оформлении обложки использована фотография памятника
броненосцу «Русалка», установленного в 1902 г. в Ревеле (Таллине) по проекту
скульптора А. Адамсона. Автор фотографии Г. Утгоф*

ISBN 978-5-9765-3862-7 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-039391-2 (Наука)

©Издательство «ФЛИНТА», 2018

ИЛЛАРИОН РЕМЕЗОВ – СОВЕТСКИЙ ДРУГ, ШВЕЙЦАРСКИЙ ЖИТЕЛЬ*

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Поле деятельности эмигрировавшего после первой русской революции в Швейцарию Иллариона Семеновича Ремизова (1881 [4?]-1960) было весьма обширным. Он занимался беллетристикой¹, публицистикой и издательским делом, преподавал, разводил пчел, вел носившую просоветский характер общественно-политическую работу. Столь же широким был и круг его знакомств, куда входили европейские социалисты Г. Броши, О. Форель, российские политические и революционные деятели А. В. Луначарский, М. С. Урицкий, Н. Е. Вилонов, писатели Р. Роллан, М. Горький, В. Г. Короленко, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, Скиталец (С. Г. Петров) и мн. др. Подобная профессиональная разноплановость и коммуникационная открытость придают ценность изучению жизненного пути Ремезова, чья биография является характерным примером судьбы представителя русской диаспоры дореволюционного периода и Интербеллума.

В публичных высказываниях и автобиографии Ремезов определял себя как революционера-«народника»². Будучи в Сара-

---

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Кросскультурная коммуникация между Россией и Францией 1920–1930-х годов: литература, публицистика, периодика».

1 Ремезов писал под псевдонимами Альт, И. Р., В<алериан> Невольник, И. Каприйский, Квинта, Ларчик, Марквашинский, Не-Марквашинский, Прохожий, Ил. Р-ов, Ставрополец (см. об этом: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. 4. С. 402).

2 *Ремезов И. С.* Автобиографии // РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 191. Л. 1, 4–8.

тове, он познакомился с семьей Чернышевских, там же (благодаря помощи ссыльной студентки) подготовился к экзамену на звание народного учителя. Весной 1906 г. Ремезов поступил в Вольскую учительскую семинарию и, несмотря на свое крестьянское происхождение, упорством достиг должности учителя в городской школе. Во время Первой русской революции он участвовал в подпольном движении Поволжья, переехал, скрываясь, в Петербург, где был арестован. Больше года Ремезов провел в заключении в тюрьме «Кресты» и заболел туберкулезом. Учитывая ходатайство В. Г. Короленко и мнение консилиума врачей во главе с В. М. Бехтеревым, военный прокурор освободил узника на три месяца под большой залог, но уже в конце 1908 г. молодой революционер через Крым нелегально эмигрировал в Швейцарию, чтобы избежать дальнейших преследований.

В этот период русская диаспора в Швейцарии активно росла и развивалась, однако вскоре после Октябрьской революции контакты сократились. Советский Союз не был официально признан Швейцарией, а в 1923–1946 гг. дипломатические отношения между странами были прерваны из-за убийства в Лозанне советского полпреда В. В. Воровского и оправдания стрелявшего в него М. Конради швейцарским судом присяжных.

И. Ремезов приехал именно в Лозанну, где попал в довольно динамичную среду русских меценатов и политических эмигрантов. Изначально он должен был преподавать в школе-гимназии им. Л. Толстого, организованной графиней Е. Н. Скаржинской³ для детей эмигрантов. Однако школа оказалась пуста, а т.к. молодой учитель продолжал болеть, то графиня отправила его в один из туберкулезных санаториев в Давосе.

Группа русских на курортах Граубюндена была велика. М. Шишкин отмечает, что к 1912 г. туристы и пациенты из Российской империи составляли в Давосе «уже одиннадцать процентов от общего количества отдыхающих»⁴. Там Ремезов встретился со знакомцем Горького, поэтом Степаном Петровым (псевд. Скиталец), и с Вило-

---

3 Е. Н. Скаржинская (1852–1932) – помещица, меценат, краевед, член нескольких научных обществ, включая Полтавскую ученую архивную комиссию. Основательница Лубенского музея Е. Н. Скаржинской (1874). С 1905 г., после смерти мужа, жила в Лозанне, вернулась в Россию с началом Первой мировой войны.

4 Шишкин М. Русская Швейцария: Лит.-историч. путеводитель. М., 2006. С. 434.

новым, профессиональным революционером и преподавателем в каприйской школе Горького и Луначарского. Вместе они разработали проект народного санатория. Вероятно, речь идет о «Русском доме для недостаточных туберкулезных больных», открытом в октябре 1909 г. Таким образом, первый зарубежный этап жизненного пути Ремезова представляет собой типичную биографию политического эмигранта.

Через Вилонова и Скитальца началось постепенное приближение Ремезова к Горькому, который оставил негативный отзыв об их знакомстве. В письме к Р. Роллану от 30 января 1933 г. Горький писал: «Ремезов был у меня уже дважды, но уже после первого визита я понял, что он – лжет и никакого отношения к Вам не может иметь. Это совершенно бездарный, тусклый и малограмотный человек. Но он считает себя крупным деятелем»⁵.

В «свой» круг Горький Ремезова не принял. Разграничение, впрочем, произведено было не по национальному признаку, а по масштабу личности. Однако писатель лукавил: во-первых, он знал Ремезова раньше, а, во-вторых, подобная эмоциональная и не совсем объективная оценка могла быть обусловлена скрытыми причинами.

Ремезов познакомился с Горьким в 1904 г. в Самаре в редакции «Самарской газеты», а затем встретился с ним в начале 1911 г., 18 января, на реферате В. И. Ленина «Л. Н. Толстой и русское общество»; адрес приехавшего в Париж 31 января на 2 недели Горького дал Ремезову А. В. Луначарский. Ремезов вспоминал по этому поводу: «Визит мой был короток. Я хотел было читать Горькому новые революционные стихи и 1-ю главу повести из жизни русской колонии в Давосе⁶ и “Трудовой колонии” в Лозанне. А <лексей> Максимович куда-то спешил. Прервав меня, посоветовал переехать на Капри.

– Климат там чудесный, а вы кашляете, вот там и прочтете, а печатать вашу повесть не спешите»⁷.

---

5 Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 284.

6 Подразумевается повесть «На чужой стороне», во II-й главе которой «фигурировал рабочий-философ Михаил Вилонов. <...> Я рассказал о совместной жизни с “Михайлом” в Давосе, о его похоронах и др. Горький очень ценил рабочего-философа и глубоко сожалел о его ранней смерти» (Ремезов И. С. Автобиографии // РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 191. Л. 32).

7 Там же. Л. 13.

Ремезов, недолго думая, отправился на Капри и почти 2 года прожил в орбите славы Горького. В воспоминаниях заветный «сказочный» и «мистический» приют им идеализирован: представлен как своего рода утопия – оторванный от мира остров из шекспировской «Бури», где Горькому отведена роль всевластного Просперо.

«После нескольких месяцев на Капри я чувствовал себя здоровым, бодрым, много работал, давал уроки русским детям, проживающим с родителями на Капри, Сорренто и Неаполе, писал статьи, рассказы в эмигрантских газетах и журналах в Париже, в Америке и в России. Занимался в русской Каприйской библиотеке, созданной Горьким <...> Два-три раза в год Марья Федоровна⁸ устраивала пикники на самой высокой горе Капри для всей русской колонии, проводили лунную ночь в беседах, а утром встречали восход солнца над морем. А в зимние вечера Горький часто устраивал читки. Все новости из России, все события, которые там происходили, мы узнавали от Горького»⁹.

В 1913 г. Горький вернулся в Россию, и отношения мэтра и рядового члена каприйской колонии прервались на несколько лет. Их следующая встреча произошла в Москве в 1920 г., куда Ремезов приехал для участия во II-м конгрессе Коминтерна. При посредничестве Горького он попытался заключить контракт с «Госиздатом» на публикацию книг Г. Клейна «Чудеса земного шара» и Ж.-А. Фабра «Жизнь насекомых». По этому поводу Горький осенью написал короткое деловое письмо В.И. Ленину (от 20 окт. 1920 г.)¹⁰. Последний отнесся к договору «Госиздата» неодобрительно: книги так и не вышли в свет, а выполнивший свою часть работы Ремезов не получил обещанных денег. Спустя еще 5 лет он отправил Горькому письмо, в котором напоминал о себе и касаясь, в частности, этой ситуации. Любопытно, что адрес Горького И. С. Ремезов узнал у А. М. Ремизова, с которым планировал создать совместное предприятие: «На балу русской прессы мы

---

8 М. Ф. Андреева (1868–1953) – актриса Московского художественного театра, общественный деятель, гражданская жена Горького.

9 Ремезов И. С. Автобиографии. Л. 33. О своем пребывании вне России и при этом включенности в ее интеллектуальную жизнь Горький писал в 1909 г.: «У меня более трех тысяч книг, я читаю восемь газет, все журналы и не чувствую себя оторванным от родины. Около меня хорошие люди, мое уважение к человеку не падает, а растет, принимая все более ясные формы» (Муратова К. Д. М. Горький на Капри. 1911–1913. Л., 1971. С. 8).

10 Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 2007. Т. 13. С. 130.

встретили Бориса Зайцева и выпили по “стаканчику” поддельной русской водки. Ал<ексей> Михайлович <Ремизов> мечтал о “русском” погтвейне <sic!>. Говорили о родине, разработа<ты>вали о “большом издательстве” русс<ких> писателей за границей, имея в виду “русский рынок” не за границей, а в России <...> Мне очень хотелось бы издавать журнал, чисто литературный, кот<орый> мог бы идти в Россию... Ал.М. Ремизов и Б. Зайцев предлагают создать издательство, с русс<ким> названием “Птицелов” – русс<ких> писателей»¹¹.

В написанном 23 апреля 1925 г. письме А. М. Ремизова об этих общих планах находим лишь глухое упоминание: «Как только кончу переписывать <«Взвихренную Русь». – Н. С.> сейчас же извещу вас.

если бы не моя хворь и всякие беспокойства все бы ускорилось, но ничего не поделаешь

Не раздумали ли вы?»¹²

Издательство, вероятно, так и не было основано. Однако желание Ремезова вновь наладить контакт с Горьким и организовать русский литературный журнал можно расценить как очередную попытку стать «своим» для Советской России.

Следует отметить, что не все замыслы Ремезова остались на уровне идей. Одним из успешных, в том числе коммерчески, стал его лингво-политический проект, объединивший «Новый букварь для взрослых» (Universum, 1924) и «Учебник русского языка для французов» (Payot & Cie, 1929). Последний был написан в соавторстве с Г. Броше. В конце 1920-х годов в качестве приложения к учебнику вышел в свет «Лексикон новых слов СССР» Ремезова–Броше¹³. Особенностью этих изданий было то, что они публиковались в новой орфографии. Так, «Лексикон» начинался с краткого перечня изменений в графике современного русского языка. В словаре были собраны аббревиатуры из различных сфер и дан их перевод на французский язык, но при этом реалии времени не сопровождались комментарием: «Гатедр. Государственный акаде-

---

11 Архив А. М. Горького при ИМЛИ РАН (далее АГ). КГ-п-65–8–1. Письмо И. С. Ремезова А. М. Горькому от 20 апреля 1925 г. (в последующих сносках указываются только шифр и дата письма).

12 РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 150. Л. 1.

13 Броше Г., Ремезов Ил. (Professeurs G. Brocher et H. Rémézov). Mots Nouveaux U.R.S.S. Лексик новых слов С.С.С.Р. Tiré du Manuel Russe // РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 14.

мический драматический театр. Théâtre national académique et dramatique. <...>

Гомзы. Государственные объединенные машиностроительные заводы. Union nationale des fabriques de machines»¹⁴.

На 20-ти страницах «Букварь» сочетал фонетику, графику и широкий диапазон текстов – от пословиц, загадок, фрагментов произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, народных и революционных сказок до стихотворений современных поэтов (включая самого Ремезова). Учебник, по словам его автора, «явился первым в Европе по новой орфографии. До нас никто не решался издавать, боясь провала»¹⁵. «Отзыв во Франц<узской> прессе – был очень хороший. Похвалила и “Правда” в Москве. Д. Заславский написал даже целый фельетон (Правда, 12/12–<19>29¹⁶.) Приветствовали нас и ВОКС из Москвы, но с некоторыми замечаниями, а именно: учебник слишком длинен и отсутствуют живые примеры из современной совет<ской> жизни. С послед<ним> замечанием я согласен. При втором издании меня просят с ними списаться. Я рассчитываю на 2-е изд<ание>, т.к. продается недурно...»¹⁷

Действительно, переговоры о 2-м издании велись вплоть до 1935 г., однако оно так и не увидело свет. Важную роль сыграло при этом следующее обстоятельство: практически одновременно с «Manuel russe pour les français» в Париже издательством «Payot» был выпущен учебник С. Яблоновского и В. Бучика «Pour bien savoir le russe» (1930). Последний, впрочем, представлял собой скорее хрестоматию с уклоном в культурологию, тогда как учебник Ремезова-Броше фокусировался на освоении грамматики¹⁸. Использование авторами новой орфографии и создание приложения с актуальной лексикой многими воспринималось как вызов и демонстрация лояльности по отношению к Советскому Союзу: «Все эти библиографические заметки <критиков. – Н. С.> были как

---

14 Там же. Л. 4.

15 АГ. КГ-п-65–8–5. Письмо от 17 сентября 1930 г.

16 В этой связи см.: Заславский Д. Женевские социал-ищейки // Правда. 1929. 12 дек. № 292 (4426). С. 2.

17 АГ. КГ-п-65–8–5.

18 См.: Потресов В. А. Из беженский скитаний Сергея Яблоновского // Дедушка, Grand-père, Grandfather...: Воспоминания внуков и внучек о дедушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX–XX веков. М., 2011. С. 50–51.

нож острый для русской эмиграции»¹⁹. По мнению Заславского, педагогический проект стимулировал начало травли Ремезова, целью которой было выслать его из Женевы как «агента Коминтерна». Формальным поводом послужила публикация в «Правде» поздравлений Ремезова, Броше, Фореля и Г. Вебера к 11-й годовщине Октябрьской революции²⁰. Вспомнили также некую «брошюру» 1918 г.²¹ Конфликт длился до 1945 г., пока комитет «Объединения лиц родом из территории СССР в Швейцарии» не принял резолюцию с выражением доверия Ремезову, которому поручалось «для предотвращения нежелательных слухов, распускаемых некоторыми лицами, в том числе Рубакиным, Николай <sic!> Александровичем, войти в контакт с СОВЕТСКОЙ КОМИССИЕЙ в Берне»²² (много ранее, еще в 1936 г., Н. А. Рубакин и еще один выявленный «недоброжелатель» – С. Ю. Багодский²³ – уже написали пострадавшему от клеветы дружеские письма).

Таким образом, мы видим, что Ремезов не боялся ставить себя в оппозицию к диаспоре и играть роль «чужого среди своих», однако СССР (как в свое время и Горький) не спешил признать и принять его, несмотря на демонстрируемую лояльность.

Имя библиографа и книговеда Н. А. Рубакина (1862–1946) появилось в данном контексте не случайно. Оно снова возвращает нас к сюжету взаимоотношений Ремезова и Горького, в переписке которых возникло третье лицо – Р. Роллан (к нему, напомним, и обращен отрицательный отзыв Горького о Ремезове). Непосредственно два этих последних встретились только в 1935 г. – до того они вели многолетнюю переписку и использовали посредников, одним из которых послужил Ремезов. Роллан был его «соседом» – жил на другом конце Женевского озера на вилле «Ольга» (Вильнев, кантон Во). Ремезов, владелец пасеки, часто пытался пригласить к себе в гости французского писателя «посмотреть <...> пчел и попробовать “русский мед”», а также неоднократно предлагал свои услуги посредника между двумя мэтрами. В письме от 5 февраля 1931 г.

---

19 Заславский Д. Указ. соч. С. 2.

20 См.: Европейские ученые приветствуют СССР // Правда. 1929. 8 янв. № 6 (4140). С. 2.

21 Речь идет, скорее всего, о книге «Аграрный вопрос в России» (см.: *Rémézov H. La question agraire en Russie*. Lausanne: Ed. des «Peuples libres», 1918).

22 РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 203. Л. 15.

23 С. Ю. Багодский (1879–1953) – врач, революционер, участвовал в международных конференциях Красного Креста как советский представитель.

он извещал Горького, что хотел бы познакомить Роллана с 2–3-мя советскими фильмами: «Они произведут на него огромное впечатление, особенно колхоз или Турксиб... Он увидит собственными глазами строительство социализма на нашей родине. Потом – мне легче будет его убедить относительно поездки в СССР...»²⁴

Видимо, посредничество Ремезова было осуществлено неудачно, поскольку от его услуг отказались вскоре оба писателя. Об этом пишет Д. В. Базанова, публикуя письмо Роллана к Ремезову от 21 октября 1930 г. На тот момент Ремезов собирался нанести очередной визит Горькому в Италии, и Роллан попросил передать ему «горячий привет»: «Скажите ему, что я его люблю и пусть не сердится на меня из-за некоторых разногласий»²⁵. Речь шла о деле «контрреволюционной вредительской организации в области снабжения населения продуктами питания», как оно было обозначено в передовице «Известий». Кампания набрала ход осенью 1930 г. 25 сентября появилось сообщение о 48-ми расстрелянных. Роллан «дружески откровенно» сообщает Ремезову, что он «мучительно страдает от происходящего в СССР в последние недели»²⁶.

Ситуация накалилась, когда Горькому предложили принять участие в литературном органе «Интернационального союза писателей-демократов». Он отказался под предлогом того, что Т. Манн и А. Эйнштейн подписали протестное письмо немецкой «Лиги защиты прав человека» против казни 48-ми. 11 декабря 1930 г. в «Известиях» публикуется резонансная статья Горького «Гуманистам», вызвавшая негативную реакцию в Европе. Здесь-то, как нам представляется, и кроются причины раздражения писателя по отношению к Ремезову, который неосмотрительно отправил вместе с письмом вырезку «Горький против Эйнштейна и Р. Роллана» из варшавской газеты. Заметка заканчивалась фразой: «Цитируя это письмо, польская пресса выражает свое сомнение в том, что Горький находится в здравом уме»²⁷. Памятью о вспыльчивом

---

24 АГ. КГ-п-65-8-11. Письмо от 5 февраля 1931 г. Имеются в виду фильмы «Турксиб» (1929, реж. В. Турин) и «Земля» (1930, реж. А. Довженко) – 9 февраля 1931 г. Горький написал письмо Д. И. Курскому с просьбой отправить эти фильмы Роллану на виллу «Ольга» (см.: *Горький М. Собр. соч.*: В 30 т. М., 1955. Т. 30. С. 204).

25 Письмо Романа Роллана И. С. Ремезову / Публ. Д. В. Базановой // *Русская литература*. 1990. № 2. С. 237.

26 Там же. С. 237.

27 АГ. КГ-п-65-8-13. Письмо от 6 января 1931 г.

характере Горького, предположим, что данная вырезка должна была его по меньшей мере оскорбить, и, как следствие, негативно повлияла на его мнение о швейцарском знакомом.

Дополнительной причиной охлаждения писателей к Ремезову, наступившего осенью 1930 – в I-й половине 1931 гг., послужил скандал, вызванный доносами и обвинениями в его адрес. Ему вменялось получение значительного финансирования от ВОКС на издание бюллетеня «Общества культурной и научной связи между Швейцарией и СССР» («La Société pour les relations intellectuelles et scientifiques entre la Suisse et l'URSS») и проживание в Швейцарии по нансеновскому паспорту. Нападки Рубакина и Багоцкого были отражены. По мысли Ремезова, целью кампании была дискредитация созданного им Общества друзей СССР и перераспределение влияния в эмигрантской среде. Так, он жаловался в этой связи Горькому: «Багоцкий – вместо помощи обществу, занимался только интригами и разными “запросами”. Он запрашивал и Вас и Роллана <подчеркнуто в тексте Горьким. – Н. С.> и клеветал в Москве»²⁸. Ремезов отправил «доносы» в ВОКС, объяснился с Ролланом и ждал разрешения ситуации. Ремезовский старый товарищ К. П. Зличенко²⁹ успокаивал его, как мог: «Дорогой друг, тактика – спокойствие, труд и достижения... Я читал еще один возмутительный гнусный донос... интриганов. Скажи, пожалуйста, что это за “нансеновский” паспорт. А у тебя какой паспорт. <...> Рад, что ты чувствуешь свою совесть чистой»³⁰. Не менее ценной была бы поддержка Горького, если бы ею удалось заручиться: «Вас, дорогой Алексей Максимович, убедительно прошу пока не судить меня до выяснения правды, т<ак> к<ак> Вашим мнением я дорожу более, чем каким бы то ни было»³¹. Однако Ремезов находился в заведомо проигрышной позиции: с Николаем Рубакиным Горький был знаком с 1902 г., их переписка длилась более 30-ти лет, и вопрос доверия был явно решен не в пользу пострадавшего от клеветы.

Непосредственным результатом этой истории стали испорченные отношения Ремезова с обоими писателями. Переписка с Горь-

---

28 АГ. КГ-п-65-8-12. Письмо от 24 апреля 1931 г.

29 К. П. Зличенко (1870–1947) – писатель, журналист, общественный деятель. С 1905 г. в эмиграции, член Швейцарской социал-демократической рабочей партии.

30 Письмо К. П. Зличенко И. С. Ремезову. Б. д. // РО ИРЛИ. Ф. 626. Ед. хр. 112. Л. 21.

31 АГ. КГ-п-65-8-12.

ким (скорее всего, в одностороннем порядке) продолжалась до 1934 г. После его смерти Ремезов опубликовал в швейцарских газетах «Travail» и «Родина» теплые и уважительные воспоминания об их встречах. При всем пиетете Ремезова к Горькому нельзя исключить, что прежде всего эти мемуарные заметки призваны были упрочить положение их автора в СССР, т.к. после Второй мировой войны он возобновил попытки вернуться на родину. Только в конце 1950-х гг. Ремезов получил паспорт гражданина СССР. Последние 2 года своей жизни он провел в Ленинграде.